

УДК 930.1+32.019.51+323.21

Симашенков Павел Дмитриевич

к.и.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления
и правового обеспечения государственной службы,
НОУ ВПО «Международный институт рынка», г.Самара
pavel.simashenkov@yandex.ru

Преемственность отрицания как вектор политической истории России

Аннотация. В статье анализируется феномен преемственности власти. Преемственность в России - не столько залог стабильности, сколько сверхценная идея «отрицания отрицания», детерминирующая фатальную цикличность политического процесса.

Ключевые слова: политика, история, власть, преемственность, стабильность, модернизация, консерватизм; .

Стабильность – альфа и омега патерналистских чаяний русского народа, измученного разного рода преобразованиями: от опричнины до бессмысленного и беспощадного модернизационного "улучшайзинга", проводимого новоявленной кастой бездарных "эффективных менеджеров". И чем радикальнее навязанные властью пертурбации, тем острее ощущается жажда обычной спокойной жизни, без авралов и потрясений.

Пресловутая стабильность, возведенная ныне в культ, казалось бы, воплощает давнюю мечту о том, что вездесущее государство наконец оставит людей в покое, предоставив им процветать по своему усмотрению. Действительно, реализуемая последние 20 лет тактика дистанцирования власти от традиционно отождествляемых с ней функций создает некую иллюзию существования в России "гражданского общества", потенциально способного к саморегулированию. Чем не демократия? Устраняясь от социальной ответственности, власти проще поддерживать условно-демократический имидж абстрактного поставителя неких "равных возможностей". Однако в условиях подмены государственных гарантий "государственными услугами" саморегулирование тождественно самовывживанию. В силу этого общество лишено общности и являет собой конгломерат эгоистичных потребителей услуг: так в тезисе о стабильности воплощается старинный принцип *divide et impera*. Разумеется, озабоченные физиологическим выживанием деклассированные массы сложно поддаются ребрендингу в «гражданское общество». Т.е, кого Г.Успенский метко окрестил «сердитым нищенством», давно утратили надежду на какое-либо облегчение или улучшение жизни: стабильность в их понимании - это чтобы не стало еще хуже. Под "хуже" подразумеваются реформы, инициируемые и осуществляемые властью. Как правило, неожиданные, неподготовленные, непредсказуемые, и потому - чрезвычайно травматичные. Политэлита России XXI века усвоила скорбные уроки краха горбачевщины и ельцинских либерализаций. Реформы сейчас если и предполагаются, то решительно консервативные, основанные на некоей преемственности (понимаемой как оплот стабильности).

Упоминания сегодняшних российских "государственников" о стабильности и матери ее - преемственности давно уже превысили допустимую концентрацию словес на единицу смысла. Громкие политические декларации (словно скроенные по самоучителю пиара "для чайников") избилуют апелляциями к отечественной истории, якобы являющейся нам примеры подлинного народовластия и самоуправления. Эта идея легла в основу печальной памяти утопий "национализации будущего" и "суверенной демократии"[1]; она же составляет стержень модного пока тренда "консервативной модернизации". По сходному шаблону сработаны и недавние предложения к проекту государственной культурной политики, об авторстве которых министр культуры скромно и предусмотрительно умалчивает.

Анализ текста предложений к проекту позволяет предположить, что "государственники" всерьез решили смастерить нацию, которой они способны эффективно и безопасно править. Подход рационален, с ним трудно спорить, ибо там, где нет нации и национальной культуры - невозможно существование государственности. Краеугольным камнем грядущей культурной политики вновь заявлена преемственность - "восприятие российской истории как непрерывного процесса – от Российской империи через СССР к современной Российской Федерации... В XX веке были предприняты две мощные попытки изменить культурно-цивилизационную идентичность России: коммунистами в 1917 году и сторонниками «либерально-западного» пути развития в конце 1980-х – 1990-х годах. Как видится и отмечается всеми исследователями, российскими и иностранными – обе попытки слома традиционной идентичности не имели успеха. Определённым подтверждением этого тезиса является сам факт разработки рассматриваемого документа, и об этом следует заявить в тексте основ государственной культурной политики" (п.4)[2]. Цитированный фрагмент наглядно демонстрирует не только отсутствие внятного "тезиса", но и изрядную противоречивость посылок, ведь хронологический интервал 1917 - 1999 непрерывен, и либеральные "младореформаторы" экспериментировали на развалинах уничтоженного ими СССР. По логике создателей проекта, большевикам наследовали именно "романтики перестройки". Неудивительно, что пункт 4 в документе не аргументирован ничем, кроме беспомощной ссылки на "всех исследователей".

В отличие от идеологов проекта, автор полагает: острохарактерной особенностью истории государства Российского является именно отсутствие преемственности в политике, отчасти компенсируемое династическим правлением и идеолого-религиозной доминантой в общественной жизни [3]. Драматизм русской истории невозможно осмыслить, не приняв данного факта.

Преемственность России даже де-юре не всегда означала передачу престола наследникам (дабы убедиться, достаточно вспомнить лестничную систему, раздачу ордынских ярлыков на княжение, родовой принцип наследования при Рюриковичах, петровский указ о престолонаследии, акт о престолонаследии 1797г. и проч. - Примеч.авт.). Князья и цари неоднократно пересматривали вековые устои власти, а формы правления менялись столь же динамично, как и на Западе. Показательные примеры являет как средневековая Русь, так и более поздние эпохи. В частности, Андрей Боголюбский и Иван Грозный успешно разрушали традиционно-религиозные принципы государственности, утверждая основы самовластного деспотизма. В рамках одной только царствующей династии Романовых почти каждое новое правление отмечено резкой сменой курса (радикальные реформы проводились в правление Петра I, Петра III, Екатерины II, Павла I, Александра I, Александра II, Александра III, Николая II - т.е. практически триста лет подряд - Примеч.авт.). Романовская эпоха ознаменована двумя болезненными попытками европеизации, тремя крестьянскими войнами, чередой дворцовых переворотов, борьбой с терроризмом, сменой реформ и контрреформ, превративших Россию к 1917г. в подобие формально ограниченной монархии. Преобразования советских лидеров также не отличаются заметной преемственностью (самые яркие подтверждения - "великий перелом" и форсированная коллективизация вместо кооперации, развенчание культа личности, развенчание волюнтаризма, преодоление застоя - Примеч.авт.). И весь постсоветский период прошел под знаком отмен, перемен и всегда актуальных переименований. Действующий президент, трогательно почитающий память первого президента РФ, тем не менее, объясняет неудачи проводимых реформ "наследием лихих 90х". В конечном счете, установление "жесткой властной вертикали" – анти-ельцинский курс.

Таким образом, правление практически каждого государственного лидера в России отмечено отрицанием преобразований предыдущего. Казалось бы, в подобном контексте нелепо заявлять о преемственности как структурообразующем принципе российской государственности (и тем более - культурной политики). Автор убежден, что в политической истории России действует преемственность иного рода - преемственность отрицания. В условиях патернализма

и этакратии передача власти - не просто юридический акт. Так сложилось в России, что новый правитель принимает на себя весь груз социальной и исторической ответственности за страну - в этом его гражданский и сакральный долг. Отречение от власти воспринимается массовым сознанием не как уход с должности ("я устал, я ухожу"), а как предательство собственного народа. По той же причине кардинальная смена курса в период каждого отдельно взятого правления немислима. Высочайший уровень концентрации власти всегда предполагал и персонифицированность ее в лице правителя России. Изменение политики - измена не только себе, но и народу. Отсюда - одна из причин рождения на останках доверия к царю-Освободителю феномена русского терроризма, отсюда - и "расстрел веры в царя" 9 января 1905г.

Историческая традиция гипертрофированной ответственности вынуждала правителей России вести охранительно-консервативную политику, первоочередная цель которой - обеспечение безопасности институтов государственной власти. Улучшение жизни населения редко входило в число приоритетов (Единственным исключением, пожалуй, является советский период: народная власть - для народа - Примеч.авт.). Поэтому все реформы проводились сверху, сглаживая и (реже) упреждая вспышки народного негодования. Результат - преобразования, как правило, оказывались запоздалыми и потому - малоэффективными. В такой ситуации самый дешевый механизм завоевания доверия масс - отрицание "прошлых роковых ошибок" новым правителем и перенос ответственности на предшественника либо соправителя. Истории России известны глубокие кризисы, когда подобный фокус помогал одному и тому же лидеру радикально сменить направление политики. В контексте преемственности показательна «комбинация» с Симеоном Бекбулатовичем. По мнению Р.Г.Скрынникова, "царь и его окружение долго ломали голову над тем, как без согласия думы возродить опричный режим и в то же время сохранить видимость законности в Русском государстве, пока склонность к шуткам и мистификациям не подсказала царю нужное решение" [4].

Как известно, если первый акт истории трагичен, во втором она повторяется уже как абсурд. Изогранный способ списания опричных долгов под маской преемственности позже проявился и в правительственной чехарде 1915-1917гг., и в чехарде премьер-министров 1998-1999г, и в интерлюдии 2008-2012гг. Тот же механизм прослеживается в извечно популярных "акциях всеобщего прозрения" по отношению к наиболее одиозным представителям высших эшелонов власти (Это не только казнь Алексеем Михайловичем коррупционеров Морозова и Плещеева в 1648г., это и сталинские репрессии, и утрата доверия Ю.М.Лужковым в 2010г. - Примеч. авт.). Поскольку власть в России издавна ассоциируется с конкретным ее носителем, сам собой реализуется простой в своей гениальности сталинский тезис: нет человека - нет проблемы. И если раньше проблемы разрешались сменой князей, то впоследствии стали менять фаворитов и министров. Неудивительно, что каждый новый кабинет министров в РФ безответствен за действия предыдущего [5].

С другой стороны, народу понятно, кто из отработанных министров закрывает собой провал очередных реформ. "Ритуальные жертвоприношения" чиновников ожидаемо и чаще всего совершаются в "горячих точках" внутренней политики: в сферах здравоохранения, труда, социального развития, межнациональных отношений. В итоге опощенный принцип персональной ответственности низведен до подбора "мальчиков для битья", штат которых обновляется с регулярностью обновления правительства. Шумные разоблачения эффектно оттеняют безупречную репутацию первого лица страны: «царь хороший - бояре плохие». Важно подчеркнуть: в русской традиции персона правителя одновременно символична (как олицетворение "государственной правды") и в то же время определена вплоть до анкетных данных. В царской России, к примеру, присягали в верности конкретному, на тот момент коронованному государю (именно эта деталь сорвала планы декабристов) [6].

Многовековой опыт авторитарного правления предопределил и механизм реформирования: глава государства является их главным инициатором и единственным гарантом необратимости

преобразований (вспомним "гаранта перестройки"). Правитель как символ должен быть непогрешим, а значит - не отвечать за грехи прошлых лет. Но вместе с тем - поддерживать устой государственности, олицетворяя преемственность. Вот почему сакраментальный вопрос, будоражащий С.С.Горбункова из "Бриллиантовой руки" - "А у вас есть такой же, но с перламутровыми пуговицами?" - обретает в нашей стране глубокий событийный смысл.

Амбивалентный подход к восприятию феномена власти не уникален в мировой практике, но в политической истории России сыграл поистине роковую роль. Именно им объясняются противоположные, взаимоисключающие тенденции: терпеть изжившую себя власть и одновременно нетерпеливо желать ее обновления. Показательно: в постсоветской России даже на местном уровне избиратели склонны оставлять управленцев на два срока, однако по их истечении отчаянно голосуют не столько ЗА нового кандидата, сколько ПРОТИВ старого. Ибо, согласно неписанному правилу, принято считать первый срок "эпохой первоначального накопления" для кандидата и его приближенных, а во втором, возможно, правитель вдруг да и вспомнит о благе народа. Как правило, последнего не происходит. Представитель власти дискредитирует себя и (в своем лице) государство, поэтому народ склонен выбрать любого "щедринского помпадура" на том лишь основании, что новый просто не замешан (или не замечен) в махинациях своего предместника. Естественно, очередной "медведь на воеводстве", сиюсь укрепившись в должности и завоевав поддержку обывателей, станет жестко дистанцироваться от злоупотреблений, имевших место до него.

Подобное отрицание отрицания есть по сути "вечное возвращение". Неудивительно, что прогресс в России - стране с непредсказуемым прошлым - насаждался исторически устаревшими методами, воплощая "хорошо забытое старое" во имя стабильности. Консервативный "регрессивный прогресс" [7] обыкновенно равнодушен к урокам истории - он цикличен; и отечественные институты государственной власти не эволюционируют, блуждая в трех соснах вождества, самодержавия и вождизма. Форма меняется, тогда как архаичное содержание воспроизводит преемственность парадигмы авторитарно-помпадурского самовластия. Однако харизматическое господство отнюдь не способствует стабильности, т.к. предпочитает произвол и ситуативную целесообразность принципу верховенства закона (как залогом преемственно-поступательного развития). Как правило, после ухода вождей наступает безвременье дворцовых переворотов (семибоярщина, Верховный тайный Совет, Временное правительство, коллективное руководство после смерти Сталина). В свою очередь, нехарактерное для России коллегиальное правление неизбежно оказывается недееспособным, что предопределяет приход к власти нового вождя. Так воспроизводится русская авторитарная традиция. В этой особенности - кардинальное отличие российской модели государственности от западной, почитаемой ныне за эталон. Если некий закон и наделен высшей силой, эту силу и значимость ему придает масштаб личности политического лидера-гаранта. Значит, закон и позитивное право, справедливость и закон в России - не тождественны. Нежелание реформаторов считаться с русской дилеммой "по закону или по совести?" обернулось фатальными неудачами в построении т.н. "правового государства". Необходимо отметить: принципы правового государства, основанного на ценностях рынка, конкуренции ветвей власти и неприкосновенности частной собственности - в корне противоречат нестяжательски-"соборной" русской идентичности, "культурно-цивилизационному коду" (как он именуется в проекте государственной культурной политики).

Таким образом, преемственность отрицания детерминирует цикличность отечественной политической истории. Действуя как мощный дестабилизирующий фактор, преемственность отрицания подменяет управление властным произволом. Это, в свою очередь, резко повышает уязвимость государства к социальным потрясениям. Ни один харизматичный лидер не потерпит подле себя конкурента, следовательно - не воспитает достойного преемника. Тот же, кого преемником объявят, доказывая свою «неслучайность» у кормила власти, неизбежно вынужден

самоутверждаться во власти, проводя ревизию прошлого. Вот почему Россия знала столько революций, авралов, "переломов", скачков, рывков и "прорывов".

Правящему режиму, в его попытке сформировать основы государственной культурной политики, следует трактовать преемственность как идеологический, а не формально-юридический конструкт. Пора отходить от тактики предъявления народу ожидаемо-неожиданных лидеров, поскольку подлинная преемственность не имеет ничего общего с очередностью известных фамилий. Наследование, передача или делегирование полномочий в такой патерналистской державе, как Россия, основано на сакральном понимании власти, несущей полную ответственность за все, что происходит при ней. Преемственность власти – преемственность ответственности. Следовательно, и сама власть (в лице ее представителей: как высших, так и рядовых) должна быть эталоном нравственной чистоты и главным носителем незыблемых традиций русской культуры, ибо культура консервативна по самому ее предназначению. Истинная преемственность - не в имидже, а в миссии власти.

Ссылки на источники

1. Симашенков П.Д. Проблемы реформирования ГМУ в России: историко-социальный аспект. // Актуальные проблемы современного социально-экономического развития: тезисы докладов международной научно-практической конференции. - Самара, МИР, 2013
2. Материалы и предложения к проекту государственной культурной политики [Электронный ресурс] // Союз театральных деятелей РНА [Официальный сайт]. 2014г. URL: <http://stdrf.ru/obshchestvennye-iniciativy/osnovy/> (дата обращения: 02.05.2014).
3. Симашенков П.Д. Религиозный и милитаристский компоненты национальной идеи: уроки истории // Вестник МИРа, Самара, 2007.
4. Скрынников Р.Г. 1975. Иван Грозный. - М.: "Наука", 1975. - 480с.
5. Путин заступился за министров: пусть еще поработают и проявят себя [Электронный ресурс] // ИА "Финмаркет" [Официальный сайт]. 25.04.2013г. URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/3320225> (дата обращения: 02.05.2014)
6. Симашенков П.Д. Деятельность органов власти в сфере патриотического воспитания офицерского корпуса армии России (1900 — август 1914 гг.). СПб., 2003
7. Симашенков П.Д. Регресс как один из факторов достижения прогресса в истории России. Русь, Россия: политические аспекты истории. СПб, Нестор, 2002. 96с.

Pavel Simashenkov

Candidate of Historical Sciences, associate professor at the PA chair,
International Market Institute (IMI),
Samara, Russia

pavel.simashenkov@yandex.ru

The continuity of negation as a vector of Russian political history

Abstract. The article analyzes the phenomenon of succession of power. Continuity of policy in Russia - not so much a guarantee of stability as *idée fixe* - the "negation of negation", determining the fatal cyclicality of political process.

Key words: policy, political history, stability, succession of power, modernization, conservatism